

ВЯЧЕСЛАВ ГУСЕВ

ЖИЗНЬ
В НАМОРДНИКЕ

12+

Вячеслав Гусев

Жизнь в наморднике

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гусев В. А.

Жизнь в наморднике / В. А. Гусев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга является логичным завершением трилогии "Эпоха доктора Нока" и "Панковский рай, или Тень правителя", и главным образом, отражает путь автора в поиске истины и ответов на вечные вопросы.

Содержание

Античудо	5
Мой путь	6
Маглы и волшебники	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Вячеслав Гусев

Жизнь в наморднике

Античудо

Задумался: «Что же может быть противоположно чуду?» Нашёл слово: «банальность». И мне, конечно, удивительно, что в двадцать первом веке, в эпоху небывало развития духовных практик всё ещё существуют люди, которые на полном серьёзе верят в коронавирус. Скажу больше, умудряются его исследовать, разрабатывают вакцины и даже болеть. Для меня это античудо...

Ой, пожалуй, если я так начну свою книгу, то меня многие неправильно поймут. Очевидно, что не с этого стоит начинать.

Мой путь

Говорят, есть два пути в медицину: потомственный и делегированный. С потомственным путём всё понятно: бывают потомственные пекари, сантехники, лётчики, бывают и врачи.

Делегированный путь – это путь семейного козла отпущения. Когда семья выбирает своего представителя и засылает его в какие-нибудь жрецы: врачи или священники. В соответствии с мировоззрением семьи.

Мой родной дядя был врачом. Мои родители врачами не были, но на врачей молились всю свою жизнь. Так, что шансов стать инженером, как я хотел в детстве, у меня практически не было. Но склад ума-то у меня был инженерный, а не гуманитарный.

Гуманитарий умеет убедить себя в чем-то, запудрить себе мозги. Инженер же верит фактам: что-то либо работает, либо нет.

А если что-то не до конца работает, или не совсем работает, то гуманитарий согласится с допущением, и придумает какую-нибудь сказку. Инженер сказки придумывать не станет: что-то либо работает, либо нет.

Чаще всего люди с инженерным складом попав в официальную медицину идут прямоком в хирургию. Так же поступил и я. Уже на втором курсе я держал крючки на операциях – исправно ходил в кружок по хирургии. И встреча с медицинской артиллерией оказалась для меня невероятным потрясением.

«Хирургия – позор медицины!» – говорил великий доктор Николай Иванович Пирогов. И я с ним согласен.

Если здесь есть читатели с инженерным складом ума, то только представьте: забарахлил ваш «Феррари» – чудо инженерной мысли. Вы подкатываете на нём в автомастерскую, автомеханик куда-то лезет, некоторое время возится и выбрасывает деталь. После этого возвращает вам машину. И еще хочет благодарности за ремонт.

И вы понимаете, что ваш «Феррари» только, что не починили, а доломали. Что он больше никогда не будет прежним, от Создателя. Но все вам говорят, что ремонт прошёл успешно, что в машине ещё много деталей и что если ещё что-то забарахлит, то заезжайте ещё, вам обязательно помогут доломать вашу машину. Что бы вы подумали, будь у вас инженерный склад ума?

Вот и я подумал: «Какая-то хрень!»

Но возможно я бы ещё завис в гильдии антимехаников, если бы не один случай, который был для меня непереносим по моральным соображениям. Не хочу о нём писать на страницах этой книги. Но после этого случая я ушёл из операционной и больше в неё не возвращался.

«Раз наше тело невозможно нормально починить, то может быть не стоит доводить его до поломки?» – подумал я.

Что в переводе на инженерный язык означало: «Пожалуй, стоит разобраться с управлением!» И здесь меня постиг полнейший культуральный шок! Оказывается, в мединститутах не учат пользоваться телом! Это невероятно, но это факт, который до сих пор вызывает у меня изумление. Представьте себе, но «цивилизованные» люди всю свою обозримую историю нарабатывают способы починки больных тел, но никак не способы понимания и управления здоровыми. Круто?!

Прямо сейчас, занимаясь этой книгой я пытался науглиить что-то вроде «всемирный валеолог» и обнаружил статью на Википедии, где валеология относится к маргинальным теориям. В статье упоминается, что валеологию критикуют не только учёные, но и религиозные деятели, поскольку, по их мнению, валеология не является наукой, а претендует на религиозное учение. Как будто официальная медицина на это не претендует? Я не стал вникать в

подробности, глянул поверхностно – но суть процесса ясна: изучать болезни – хорошо и правильно, изучать здоровье – плохо и неправильно.

Но это я сделал небольшое отклонение от нити своего повествования, да поможет мне Ариадна.

Итак, я ушёл из хирургии и пошёл в терапию. «Я в терапию не пойду! Там думать надо! А я думать не умею!» – сказал мой одногруппник и пошёл в хирургию. **Suum cuique!**

Что я обнаружил в терапии? А был я сначала фтизиатром, а потом пульмонологом. А обнаружил я примерно то же, что и Карл Витакер.

В своей книге «Полночные размышления семейного терапевта» он описывает случай чудесной гибели пациентки после успешной операций. После этого случая он ушёл из хирургии и занялся психотерапией.

И в моей практике возникло несколько непредсказуемых смертей и не менее непредсказуемых исцелений. Именно исцелений, а не выздоровлений, что меня потрясло больше всего. Если проводить инженерную аналогию: можете себе представить, что во время автомобильного заезда одна из машин вдруг оказывается на финише первой. Именно оказывается, в не приезжает. Чтобы вы сделали на моём месте?

Я решил пойти в медицинскую науку. Взял единственную почётную грамоту, полученную мною за годы учёбы в мединституте, и подошёл к заведующему кафедрой микробиологии. Заведующий посмотрел на свою подпись на грамоте и ... я стал научным сотрудником вирусологического отдела ЦНИЛ. И это было вполне логично, как пульмонолог я довольно часто сталкивался с вирусными пневмониями. Как тут не прийти в вирусологию. Узнать своего врага в лицо.

И здесь я начал испытывать регулярные потрясения. Я помню одну из своих первых бесед со своим непосредственным шефом – заведующим ЦНИЛ. Он рассказал, что новейший противовирусный препарат является аналогом жёлчных кислот, которые попадают в кровь при вирусном гепатите и приводят к так называемой «желтухе». «Вы хотите сказать, что желчные кислоты убивают вирусы?! То есть организм сам себя лечит?!» «Ну да!» – сказал мой шеф.

Помните в интернете есть серия демотиваторов: беседы африканского мальчика с белой женщиной: «Ты хочешь сказать, что вы тратите 9 галлонов чистой питьевой воды, чтобы смыть своё дерьмо?!» – изумляется мальчик.

Моё изумление было примерно таким же: «Ты хочешь сказать, что врачи убирают из крови во время вирусной инфекции естественный противовирусный препарат, который вырабатывает сам организм, а вместо него вводят в кровь какую-то синтетическую хрень?!» Моему шефу было непонятно моё изумление.

Надо сказать, что до этого момента я был ортодоксальным верующим в официальную медицину. Я вырос в очень верующей в медицину семье. Мой папа регулярно приносил красному змию жертвоприношения в виде балыков и коньков и, как я понимаю, был уверен, что без этих жертв змий его проглотит. У мамы с красным змием были другие отношения, но прозвище «пилюля» она получила ещё в детстве. Одним словом, и я был сильно верующим, что без служителей культа красного змия человек жить не может.

И тут вдруг один из верховных жрецов этого культа, своим вскользь сказанным замечанием, внезапно подорвал мою веру. Но так обычно и бывает. Квантовый скачок сознания. Накопилось.

И если до этого момента я искал и находил, что-то что укрепляло и сохраняло мою веру в официальную медицину, то после этого что-то во мне перевернулось, и я начал видеть что-то, что разрушало мою веру во врачей, то есть в то, что я делаю что-то разумное и полезное людям.

Само собой я занимался изучением вируса гриппа, а мои коллеги ещё работали над изучением вируса СПИДа – самые актуальные микробы на то время.

И я в разгар гриппозных эпидемий, бегал по поликлиникам и брал мазки у больных в острый период заболевания. И задумывался: что же все эти люди сделали, чтобы заболеть и почему меня эта хрень не берёт? И вывод напрашивался очевидный, что мне оно не надо, что зарплата у меня хорошая, график работы свободный, коллеги добрые, жена любимая. Что у меня нет ничего такого, от чего мне хотелось бы отдохнуть.

Как бы вы поступили на моём месте, если бы у вас был инженерный склад ума? Вот и я поступил в аспирантуру по психиатрии, поскольку научной специальности «психотерапия» в те времена не было. Все логично и закономерно: в хирургии я поискал, в терапии я поискал, в науке я поискал – осталось поискать в сознании.

А дальше вмешалась очередная женщина. Жена моего научного руководителя сказала грозным голосом: «Славик, а вы почему до сих пор манкируете нашу учебную группу по гештальт-терапии?!» Огорчить научного руководителя – было проблематично, но не смертельно. Но огорчать его жену? Даже проверять не стоит. Так я начал изучать гештальт-подход.

И это был окончательный переворот! Мой мир наконец-то встал с головы на ноги! Мой учитель работал словами с телесными симптомами и слова влияли. Я видел, что на физические телесные симптомы влияют просто слова. Не уколы, таблетки и нож хирурга, и даже не физиотерапевтические процедуры.

Неужели сознание имеет настолько большое значение?! Таких терминов как «холистическая доктрина», «психосоматический подход» никто тогда не произносил, даже если слышал.

Наверно это странно воспринимать: ученый-вирусолог, который учится в аспирантуре по психиатрии. Но я ведь инженер. Мне важно было понять: как оно на самом деле работает.

И я начал читать, прочитал всего Берна, всего Пёрлза, многих «энлперов», многих «гештальтистов», дошёл до Минделла с его командой, тем более работа с литературой входила в работу над диссертацией. Параллельно я работал на «горячем приёме» и обнаруживал, что психотерапия исцеляет всё. Тем более что как вирусолога меня отправили в отпуск без содержания аж на четыре года. Какой-то добрый и мудрый человек помог мне тем, что урезал финансирование вирусологии и я смог больше переключиться на психотерапию.

И здесь возникли первые трудности. Мне предлагали тему диссертации: «Применение гештальт-терапии в комплексном лечении бронхиальной астмы». Но я к тому времени уже обнаружил, что никакого комплексного лечения не нужно, что психотерапия вполне самодостаточна, что работает не только гештальт-подход, что разные направления наработали свои приемы работы с телом. Я хотел заняться диссертацией: «Способы психотерапевтической работы с соматическими заболеваниями!»

«Это тема докторской! – говорили мне, – напиши сначала кандидатскую!» Но мне было странно. Для чего откладывать на потом то, что я могу сказать уже сейчас? Мои страдания разрешил киевский доктор Сергей Самар. «Твою диссертацию поставят на полку и о ней никто не узнает! – сказал он мне, – Мы с тобой учились, читая хорошие книги. Ты смотрел на то какая учена степень у автора?!» «Нет», – признался я. «И я не смотрел. Хочешь что-то сказать людям – напиши лучше книгу!»

Я так и поступил. Так возникла книга: [«Средство от болезней!»](#) Ей более двадцати лет. И мои однокурсники её только сейчас начинают читать.

Но речь не об этом. От хирурга до психотерапевта в моём сознании произошёл главный переворот. Я иначе начал отвечать на Основной вопрос философии. Как врач-материалист я был беспомощен перед ужасным нашествием грозных болезней. А как идеалист я обнаружил, что нет никакого грозного нашествия. Всё в сознании.

Маглы и волшебники

Пандемия коронавируса разделила человечество на две большие группы. Одни носят маски, протирают все ядохимикатами и ждут спасительной вакцины. Другие воспринимают всё эту историю как странный бред.

Чем отличаются одни от других? Ответом на Основной вопрос философии. Я описал в предыдущей главе свой путь от начинающего хирурга до психотерапевта для того, чтобы примерно показать, как может выглядеть этот путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.